

«Егор Булычов и другие». В роли Егора — заслуженный артист Латвийской ССР С. П. Васильев. Шура — артистка Р. Солнцева.

ЧТОБЫ СЫГРАТЬ БУЛЫЧОВА, ОН ЖДАЛ 20 ЛЕТ

В Рижском театре русской драмы успешно продолжает свою сценическую жизнь выдающаяся пьеса Алексея Максимовича Горького «Егор Булычов и другие». Наш корреспондент А. Липпе встретился с исполнителем главной роли в спектакле заслуженным артистом Латвийской ССР С. П. Васильевым.

— Сергей Порфирьевич, я уверен, что выражу мнение большинства зрителей, если скажу, что роль Егора Булычова — одна из ваших самых значительных творческих удач на сцене Рижского театра русской драмы. Интересно, как вы сами оцениваете свою последнюю работу, какое место занимает эта роль в вашей актерской практике?

— Сейчас мне трудно дать категоричную оценку своей работе по очень простой причине: роль еще не отшлифована, не выверена в достаточной мере на зрителе.

Сыграть Булычова на сцене я мечтал давно. Впрочем, не только мечтал, но и пытался. В годы войны Ленинградский Новый театр, в котором я тогда работал (ныне это Театр имени Ленсовета), был направлен в длительные гастроли на Дальний Восток. Мой учитель, известный режиссер Борис Михайлович Сушкевич, наряду с другими пьесами решил поставить для армейского зрителя и горьковского «Егора Булычова». Спектакль удался на славу. Я переиграл в нем почти все роли, кроме главной.

Помнится, однажды, набравшись храбрости, я заявил Сушкевичу:

— Борис Михайлович, дайте мне сыграть Егора.

— Мотивы? — лукаво спросил Сушкевич.

— Я очень люблю этот образ.

— Тогда не дам.

— Почему?

— А вот потому и не дам. Ведь влюбленный-то человек — слепой. А разве слепого можно подпустить к такой роли?..

Логика Бориса Михайловича показалась мне тогда остроумным софизмом. «Неужели он не верит в мои силы?» — вопрошало во мне уязвленное самолюбие.

— Может, все-таки попробуем? — настаивал я.

Сушкевич несколько задумался, внимательно осмотрел меня с ног до головы и сказал, но уже серьезно, деловито:

— Хорошо, будем пробовать. Но не на зрителе. Репетируйте.

Год я самостоятельно работал над ролью. Изучал материалы, вживался в образ. Наконец вновь предстал перед Сушкевичем.

— Готов, Борис Михайлович. Егор Булычов готов.

— Готов? Что ж, очень хорошо. Сегодня вечером вы нам его и покажете.

И вот вечером, уже после пробы, подходит ко мне Сушкевич, кладет на плечо руку:

— Что ж, Сергей Порфирьевич, неплохо, совсем неплохо. И все-таки, я думаю, играть Булычова вам еще рано.

Молоды вы, не хватает у вас актерской техники. Ведь Егор — образ огромнейшего темперамента, чувства. Будете над ним сейчас всерьез работать — надорветесь, выдохнетесь — можете потерять всякий интерес не только к роли, но и вообще к искусству театра. Пройдут

годы, наберетесь сил, житейского и профессионального опыта, тогда — другое дело.

Предсказание Бориса Михайловича, как видите, сбылось. Потребовалось два десятилетия, чтобы вновь вернуться к любимому герою.

— Приходилось ли вам видеть Булычова в исполнении наших корифеев сцены, скажем, Н. Монахова, Б. Щукина?

— Да, приходилось. Я видел эту пьесу в постановке трех театров: Большого драматического им. Горького, Вахтанговского и, наконец, Ленинградского Нового, где, как я уже говорил, сам играл в спектакле. В Большом драматическом роль Булычова исполнял Николай Федорович Монахов, в театре имени Евгения Вахтангова — Борис Щукин, а в Новом — Анатолий Иванович Кузнецов.

— А чья трактовка образа Булычова наиболее близка вашей творческой индивидуальности?

— Монахова. Правда, критика того времени поругивала Николая Федоровича за то, что он якобы играл «клиническую картину гибели сильного человека от неизлечимой болезни», что «социальные мотивы роли остались нераскрытыми». Я глубоко убежден, что на Монахова тогда возвели напрас-

лину. В самом деле, не мог же он играть Булычова здоровым, когда по пьесе он болен раком. Если же говорить о социальных мотивах, то в спектакле они прозвучали с огромной силой.

Николай Федорович действительно создал образ больного человека, но прежде всего больного не физически, а душевно. Булычов Монахова болен был от ощущения, что всю жизнь «не на той улице» прожил, что нарушил он нравственный кодекс своего отца. С поразительной горечью звучали его признания Шура:

— В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял! А я вот... Этого я тебе не могу выразить.

В такой трактовке попытался воссоздать образ Булычова и я. Мне хотелось доказать, что трагедия Егора заключается прежде всего в том, что изменил он классу эксплуатируемых (а не эксплуататоров, как пытаются еще порой доказывать).

Иные критики требуют, чтобы к концу спектакля Булычов сознательно приходил к выводу о неминуемой гибели капиталистического мира, чтобы он мыслил на сцене чуть ли не как социалист. Словом, они ратуют за то,

чтобы исполнитель роли шел к образу через «темперамент мысли».

Я думаю, что такое требование неправомерно. Булычов не интеллигент, он чувствует, он интуитивно догадывается о многом, но стройно осмыслить явления, а тем более облечь мысли в слова он не может. В этом его беда. И беду эту я пытаюсь передать через «темперамент чувства» — единственно возможный, как мне кажется, путь к сверхзадаче роли.

— Я слышал, Сергей Порфирьевич, что вы лично однажды встретились с Горьким. Если это верно, расскажите, когда и при каких обстоятельствах это произошло.

— Да, раз в жизни мне посчастливилось увидеть автора «Егора Булычова». Это случилось в 1927 году в Гжатске. Горький был в этом городишке проездом. Помню, на вокзал встречать знаменитого писателя пришли рабочие, представители интеллигенции. Алексей Максимович сошел с поезда. Его узнали сразу: худой, высокий, с открытым, приветливым лицом. После короткого диалога с одним из актеров, он обратился к собравшимся:

— Ну, что ж, здравствуйте, господа!

Мы все были несколько обескуражены таким приветствием. Это в двадцать седьмом-то и вдруг — господа. Да и кто говорит — пролетарский писатель!

Наступило неловкое молчание, поползли шепотки. А Алексей Максимович оглядел нас всех своими мудрыми, смеющимися глазами и продолжил:

— Господа, именно господа... своего положения.

Лицо и особенно глаза Горького я запомнил на долгие годы. Мне думается, что после этой, казалось бы, мимолетной встречи я с еще большим интересом и любовью начал относиться и к его творчеству. Я неоднократно перечитывал все его произведения, сыграл множество ролей горьковского репертуара. Но и по сей день Алексей Максимович для меня — это огромная книга жизни, прочитать которую до конца мне попросту не дано. Горький всегда свеж, юн и беспредельно мудр — в этом его сила и, если можно так выразиться, его неисчерпаемость.

— Ну, и, наконец, традиционный вопрос: каковы ваши дальнейшие творческие планы?

— Вот уж о чем опасно говорить, так о планах. Например, не так давно Сергей Бондарчук пригласил меня сниматься в фильме «Война и мир». Я должен был сыграть роль Кутузова. Проба прошла успешно. Уже был заказан костюм моего размера, парик. Я вернулся в Ригу, начал собирать материал, изучал образ, словом, жил своей новой ролью. И что бы вы думали? Незадолго перед вызовом на съемки слег в постель и провалялся в довольно плачевном состоянии несколько месяцев. Ну разве после этого можно всерьез что-либо предсказывать?

— И тем не менее, Сергей Порфирьевич...

— Да, и тем не менее планов у меня, как у каждого смертного, предостаточно. Но прежде всего я хочу, как говорится, довести до кондиции роль Булычова. Это задача номер один.